

могло не войти и в произведения бывшего игумена Троице-Сергиева монастыря.

Учительные послания, к которым принадлежит Послание на Угру, получили свое развитие на Руси благодаря, прежде всего, латинству и ересям, бороться с которыми русские иерархи считали своей первой обязанностью.¹ Среди посланий, направленных против еретиков, посланий с целью укрепления православия или разъяснения того или иного догмата, послания преимущественно общественно-политического содержания занимают по количеству небольшое место. Самым значительным из них, конечно, является Послание Вассиана. В нем слилась струя догматическая с общественной в едином патриотическом направлении, причем самые жанровые особенности этого вида древне-русской литературы достигли, пожалуй, своего совершенства. Они состоят, прежде всего, в том, что каждое положение послания должно являться не как замысел автора, а как логическое осмысление текстов священного писания и писания отцов церкви.²

Такие послания становились достоянием не только лиц, к которым они направлялись. Они переписывались, теряя при этом индивидуальные свои черты и становясь общепублицистическими памятниками, которые ложились в основу последующих. Чем ярче было послание, тем больший путь воздействия на литературу оно проходило. И в этом отношении Послание Вассиана Рыло является наиболее ярким примером.

Необходимо напомнить, что Послание на Угру должно рассматриваться на фоне трудов древних русских богословов, поэтому мы должны удивляться не тому, как часто Вассиан Рыло цитирует священное писание и оперирует библейскими событиями, а скорее тому, как он талантливо это делает, подчиняя образы и язык священного писания своему замыслу и создавая произведение очень убедительное для современников автора. От библейских же образов и текстов нельзя отстраниться потому, что без них мы не сможем понять идеи и дух той эпохи, не сможем понять и способа их выражения.

¹ „Исключительные дарования и редкая начитанность преподобного Иосифа Волоцкого сделали доступны для потомства лишь благодаря ереси (жидовствующим). То же можно сказать об иноке Отенском Зиновии, которого вызвала на литературную борьбу ересь Косого. . .“ (В. М а л и н и н. Старец Елеазарова монастыря Филофей. . . Киев, 1901, стр. 51).

² Несколько курьезное подтверждение этих особенностей мы находим в Послании митрополита Фотия. Если в Окружном послании против избрания Григория Цамблака он приводит 30 правил-канонов церкви, то в другом своем послании, направленном в Псков, процитировав два канонических правила, он указывает еще на пять правил и при этом просит простить его, что не успел отыскать нужные для цитат места. „И вы, сынове, — добавляет митрополит, — сами поищите в святых правилах тех правил, пишущих о том“ (М а к а р и й. История русской церкви, т. V. СПб., 1866, стр. 23).